

УДК 17.034

ПОСТИЖИМОСТЬ СМЕРТИ КАК ЗЛА В УЧЕНИИ Н.Ф. ФЕДОРОВА
COMPREHENSION OF DEATH AS AN EVIL IN DOCTRINE OF N.F. FEDOROV

А.А. Слепокуров
A.A. Slepokurov

Воронежский государственный университет, Россия, 394000, Воронеж, Пр. Революции, 24

Voronezh State university, 24, Prospect Revolution, Voronezh, 394000, Russia

E-mail: s.alyosha@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты философии Н. Ф. Федорова, связанные с его отношением к смерти. Выявляется исток натуралистического подхода к смерти, который составляет главную противоречивость учения Н. Ф. Федорова. Это учение в отличие от большинства религиозно-философских подходов к смерти характеризуется тем, что смерть воспринимается здесь как природный феномен, лишенный метафизичности и таинственности. Смерть для Федорова постижима и понятна, а поэтому преодолима средствами науки. Однако, это преодоление возможно лишь в том случае, если человек будет воспринимать смерть как абсолютное зло. Делается вывод о том, что учение Федорова имеет преимущественно нравственное значение, поскольку его отношение к смерти выражает глубинные основы русского национального самосознания.

Resume. The article analyzes some aspects of philosophy of N. F. Fedorov related to his attitude towards death. It reveals the source of the naturalistic approach to death, which is the main contradiction of the teachings of N. Fedorov. This doctrine, unlike most religious and philosophical approaches to death characterized by the fact that death is perceived here as a natural phenomenon, devoid of mystery and metaphysics. Death for Fedorov is comprehensible and understandable, and therefore surmountable by means of science. However, it is possible only if the person will accept death as an absolute evil. The conclusion is that the teaching of Fedorov has a predominantly moral significance, because his attitude to death expresses deep foundations of Russian national identity.

Ключевые слова: Н. Ф. Федоров, смерть, зло, русская философия, нравственность, природа, наука, религия.

Key words: N. F. Fedorov, death, evil, Russian philosophy, morality, nature, science, religion.

Восприятие смерти как предельного зла свойственно большинству религиозно-философских учений человечества. Неприятие смерти является антропологической константой, проходящей через эпохи и культуры. В основании этого неприятия лежит фундаментальный страх, не позволяющий принять факт смерти за норму и наделяющий его негативным моральным ореолом. При этом, различные духовные практики выработали определенные психотехники, которые ослабляют напряжение страха смерти и примиряют человека с неизбежным концом. В учении русского философа, основателя космизма Н. Ф. Федорова *зло смерти* является абсолютной величиной, с которой не может быть никакого примирения и которой не может быть никакого оправдания. И в этом плане оно уже отличается от этого большинства. Как пишет В. В. Зеньковский в «Истории русской философии»: «Федоров с исключительной силой чувствовал всю неправду, все зло смерти» [Зеньковский, с. 569].

Однако, есть одно существенное отличие в учении Н. Ф. Федорова, ставящее его в уникальное положение на фоне существовавших и существующих подходов к смерти. Дело в том, что если в традиционных религиозно-философских системах смерть является *областью непостижимого*, иными словами – тайной, а поэтому, непреодолимой, по крайней мере, человеческими усилиями, то в учении Н. Ф. Федорова смерть абсолютно прозрачна и постижима для человеческого разума, а, следовательно, преодолима самим человеком. В традиционных религиозных учениях тоже известна «причина» смерти; это грехопадение и наказание за него. Но эта идея носит духовно-символический характер, чья внутренняя сущность остается закрытой от человеческого понимания. Позиция Н. Ф. Федорова иная: именно человек с его Богом данным разумом способен понять смерть и устранить ее как ошибку и зло.

Рассмотрим подробнее аргументацию Н.Ф. Федорова, поскольку современность, погруженная в трансгуманистический соблазн бессмертия, отреагировала достаточно живо и с большим интересом на иммортологический проект русского философа. Справедливости ради нужно сказать, что учение Федорова делит людей на две категории. Естественно, что далеко не все признают его

идеи, считая их утопией, ересью, а то и вообще безумием. И в то же время есть достаточно стойкий интерес к его учению со стороны научного сообщества, в котором немало специалистов по различным отраслям естественнонаучного знания. Для этого достаточно внимательно ознакомиться с материалами Федоровских чтений, которые регулярно проводятся у нас в стране, начиная с 90-х годов XX столетия [8, 9, 11, 13, 14, 15].

Смерть, смертность, смертные – вот круг понятий, вокруг которого вращается философия Н.Ф. Федорова. Смерть – первый и последний предмет его размышлений. С его точки зрения не только всеобщее возвращение жизни, но даже и смерть «доселе не сделались предметом знания и основательного суждения, которые расследовали бы в точности и полноте, какими причинами и условиями вызвано это явление» [Федоров, II, 200]. Если и можно говорить о танатологии в буквальном смысле слова как «науки о смерти», то именно философия Федорова и представляет собой такую науку. Федоровская идея была основана на том, чтобы синтезировать данную науки, религии, философии, искусства, объединить человеческое знание для достижения целей общего дела.

Предшествующее разъединенное и раздробленное знание человека было не в силах понять истинные причины смерти. Поэтому наличное состояние науки и философии в их отношении к смерти совершенно не удовлетворяют Федорова. Он пишет: «Наука или философия требует от разумного существа суеверного признания факта, выраженного в смерти, в господстве слепой силы над сознающим существом. Если и дозволяется смерть или смертоносную силу делать предметом исследования, то с строгим воспрещением относиться критически к ее законности, к ее господству» [Федоров, III, 218]. Таково универсальное восприятие смерти, достигшее кульминации в эпоху развития естественнонаучного знания. Действительно, естественные науки считают (и обязаны считать, исходя из внутренней логики) смерть законом, естественным и неизбежным концом биологического существования.

По сути дела, это игнорирование смерти, нежелание всерьез заниматься ей как проблемой. Это происходит во многом из-за того, что смерть, согласно Федорову, воспринимается как «закон вытеснения». Он пишет по этому поводу: «необходимое предположение всякой практической философии есть фатализм, слепо верящий, что человек обречен на неродственность и смертность... Закон взаимного стеснения и вытеснения предполагается роковым и неизбежным. Практическая философия и ограничивает свою задачу равномерностью или закономерностью стеснений между людьми. Что касается [до] закона вытеснения, до долга сынов к отцам, то практическая философия нашего времени вычеркнула этот вопрос из своей программы: она освободила сынов от долга, а закон вытеснения, смерть этим самым признала неизбежным» [Федоров, III, 267].

Эта пространная цитата очень наглядно позывает аутентичное федоровское восприятие смерти, в котором биологическое (природное) и нравственное переплетены очень глубоко и своеобразно. В этом уникальность учения Федорова. Вопреки христианскому вероучению Федоров видит в смерти не столько результат грехопадения, сколько слепое действие неразумной природы, которую не в силах остановить безнравственный человек. Вопреки научным представлениям философ видит в смерти не проявление эволюции, которая регулирует жизненный процесс посредством механизмов естественного отбора и закона выживания сильнейшего, а также проявление безнравственности человека, забывшего о своем долге перед отцами.

Такое состояние, согласно философу, есть фатальный недостаток всего человечества. «Не совершенство рода человеческого, – пишет Федоров, – ни в чем так не выражается, как в суеверном преклонении пред всем естественным, в признании за слепую природою руководства разумными существами...» [Федоров, I, 105]. Природа предстает как слепая и хаотичная сила, враждебная человеку. Это один из наиболее вызывающих и провокационных моментов в учении Федорова, на который указывали многие, в том числе и такой проницательный философ как Н. А. Бердяев, который отмечал следующее: «Федоров отвращается от созерцания природы и познания ее тайн, он не хочет вникновения в жизнь природы. Он исходит из того, что природа бессознательна, слепа, смертоносна, что она – враг человека и источник зла. И остается впечатление, что природа для него – не живая, не одухотворенная, а мертвая и механическая. С природой невозможно никакое родственное слияние и общение через созерцание ее внутренней таинственной жизни, ее духовной сущности. К природе возможно лишь практически-активное, хозяйственное отношение. Регуляция – единственный способ отношения к природе» [Бердяев, с. 455].

Действительно, Федоров полагает, что природа слепа и хаотична в своем наличном состоянии и поэтому враждебна человеку. Концентрацией хаотичности и слепоты природы как раз и является смерть, которая выступает не в качестве нормы, а в качестве аномалии, или, по выражению С. Н. Булгакова «болезни бытия». Поэтому смерть никак не может быть законом, тем более естественным. Как раз наоборот, согласно Федорову смерть – высшее беззаконие и неестественность. Отсюда ее враждебность ко всему разумному и доброму, которое несет в себе человек, и которое она безжалостно уничтожает.

Однако, эту враждебность природы не стоит абсолютизировать, поскольку, как полагает Федоров, природа враг лишь временный и должна превратиться в «друга вечного». Известный исследователь наследия Н. Ф. Федорова философ и литературовед С. Г. Семенова поясняет этот ас-

пект, связанный с природой, следующим образом: «И регуляция, и воскрешение, как ее вершина, и преобразование природы человека и мира осуществляется в самой природе, из ее недр, с помощью глубинных ее возможностей, раскрываемых интуицией и сознанием людей. ... даже все умершие, объект воскресительного дела, – тут, в природе, в Божьем мире, в его элементах и энергиях, волнах, биополях, в «лучевых образах», в ноосфере...» [Семенова, 148].

Это значит, что природа раскрыта и вполне доступна для человеческого понимания, поскольку ее враждебность и инаковость носят не абсолютный характер. И, соответственно, смерть, как один из главных негативных природных процессов, тоже не абсолютна и вполне постижима человеком. Все дело в самом человеке, в уровне его духовного и нравственного развития. И здесь главная проблема, поскольку современный человек еще не достиг того уровня самосознания, считает Федоров, когда он сможет воспринимать свою смертность как зло. Самосознание вообще начинается с осознания своей и всеобщей смертности: «Сознавать свою смертность значит осознавать каждому общую причину своих частных, личных бедствий. ... ибо смертность есть общее выражение для всех бед, удручающих человека...» [Федоров, II, 200, 251].

Данный тезис расширяет декартовский тезис: «мыслю, следовательно, существую» этическим компонентом: не просто мыслю в аксиологически индифферентных терминах, но осознаю смертность как причину индивидуального и всеобщего зла.

Федоров буквально бросает вызов смерти, разрушая детерминистские представления о ней как о законе. Он пишет: «Как ни глубоки причины смертности, смертность не изначальна; она не представляет безусловной необходимости» [Федоров, II, 201]. Это достаточно сильное заявление, противоречащее сложившимся веками человеческим представлениям о неизбежности смерти. Мысли о не изначальности смерти, о смерти как генетической «поломке» высказываются сегодня и в естественных науках. Однако, Федоров в этом был убежден в то время, когда уровень наук о природе был не высок. Господствовали материалистические представления, в основании которых была эволюция. Но эти представления мало проясняли картину, так как считали смерть неизбежным биологическим законом.

На чем же основана убежденность Федорова?

Это убежденность проистекает из уверенности в том, что ни законы природы, ни смерть не являются тайной. Все дело в человеческом непонимании истинной природы смерти и нежелании это понимать. «Слепою силою люди признают природу даже тогда, когда и себя не исключают из нее, и вместе с тем считают смерть каким-то законом, а не просто случайностью водворившейся в природе вследствие ее слепоты и ставшей органическим пороком. А между тем смерть есть просто результат или выражение несовершеннолетия, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни» [Федоров, I, 106].

Итак, недостаток сознательности и недостаток нравственности заставляют воспринимать смерть как закон природы. Сама по себе смерть не есть непостижимый феномен. Смерть прозрачна и постижима, но только в нравственной оптике. «Смерть, – пишет Федоров, – есть торжество силы слепой, не нравственной, всеобщее же воскрешение будет победою нравственности, будет последнюю высшую степень, до которой может дойти нравственность» [Федоров, I, 298]. На основании этого философ формулирует свой нравственный категорический императив, который выглядит таким образом: «Долг воскрешения – это нравственность для совершеннолетних, это настоящее единственное дело, дело познания сил природы, безжалостно, по слепоте своей, пожирающей детей своих, и превращения этих смертоносных сил в живоносные» [Федоров, IV; 12].

Таким образом, смерть в учении Федорова, будучи природным, а не мистическим и трансцендентным феноменом, оказывается постижимой. Но для того, чтобы постичь ее внутреннюю биологическую механику, необходимо, прежде всего, осознать ее нравственно как зло. Восприятие смерти как высшего зла дает Федорову внутреннюю уверенность в ее недолжности, а значит и преодолении человеческими силами.

При всей нравственной силе учения Н. Ф. Федорова отношение к смерти носит у него несколько прямолинейный и упрощенный характер. По сути дела, у него нет метафизики смерти, поскольку последняя полностью вписана в природный ряд и поэтому доступна научному анализу и искоренению как природный недостаток. Смерть совершенно не таинственна у Федорова, и это основание его уверенности в ее преодолении.

На некоторую односторонность отношения к смерти у Федорова обращали внимание известные русские философы. Г. В. Флоровский говорит о нечувствии Федорова к смерти. В «Путьях русского богословия» он пишет: «...у Федорова была одна всепоглощающая тема, один навязчивый замысел. Это – тема о смерти. И этот замысел – воскрешение мертвых. И вот в том, что Федоров говорит о смерти и воскресении, поражает его нечувствие. Странно сказать, но в смерти он не чувствовал тайны, не почувствовал в ней темного жала греха. Для Федорова то была скорее загадка, чем тайна, и неправда больше, чем грех. И эту загадку смерти он почти что исчерпывает в пределах морали и евгеники» [Флоровский, с. 718]. Очень пронизательное наблюдение: *смерть не тайна, но загадка*. Отличие этих феноменов огромное; загадка – это нечто неизвестное, которое со временем (с ростом научного знания, например), будет разгадано, то есть полностью раскрыто.

Тайна носит абсолютный характер, который не доступен человеческому пониманию. Тайна не может быть раскрыта никем никогда, иначе она перестанет быть тайной и превратится в загадку.

Это нечувствие Федорова к смерти Флоровский объясняет его натурализмом: «Смерть в его понимании есть только натуральный изъян, недоразвитость природы и мира. ... Потому и врачевание против смерти предлагается натуральное, в пределах природы, силами человека и природы, без всякого трансцензуса... Разгадку смерти Федоров ищет на путях какой-то человеческой биотехники. И характерно, что органическим процессам он противопоставляет технические, естественной силе рождения – человеческий труд и расчет» [Флоровский, с. 719-720].

«Натуралистическим реализмом» называет учение Федорова известный философ и историк русской философии Н. О. Лосский, характеризуя его следующим образом: «Речь идет о воскрешении человека в теле, по-видимому, не преображенном, так что сохраняется необходимость в питании, возникает задача колонизации других небесных тел, и достигается все это средствами высоко развитой науки и техники. С этой стороны учения Федорова приближаются к современным планам натуралистов, думающих о продлении жизни на неопределенно долгое время путем совершенства врачевания, гигиенического усовершенствования условий жизни и т. п.» [Лосский, с. 712]. Справедливости ради нужно сказать, что Н. Ф. Федоров говорит о преображении, но главное здесь, что точно улавливает Лосский – это полагание на науку. Смерть, как и все остальные натуральные процессы могут быть управляемы человеком.

Еще один русской философ С. Н. Булгаков рассуждает в схожей тональности. Он говорит, что у Н. Ф. Федорова «чисто механическое понимание и смерти, и воскресения». В действительности смерть гораздо более серьезное явление (и духовное, и метафизическое), которое сохраняет свою непостижимость безотносительно к уровню научно-технического прогресса. С. Н. Булгаков пишет: «... смерть, в которой Федоров склонен был вообще видеть лишь род случайности и недоразумения или педагогический прием, есть акт, слишком далеко переходящий за пределы этого мира, чтобы можно было справиться с ней одной «регуляцией природы», методами физического воскрешения тела, как бы они ни были утонченны, даже с привлечением жизненной силы человеческой спермы в целях воскрешения или обратного рождения отцов сынами (на что имеются указания в учении Федорова)» [Булгаков, с. 403].

Современные исследователи, разделяя мысли русских философов о механистически-одномерном отношении Федорова к смерти, также указывают на некоторую недалёковидность его учения. Так, Н. К. Гаврюшин пишет следующее: «...на кардинальные для его проекта вопросы Федоров, как это обычно бывает с утопическими мыслителями, ответа не имел. Он ровным счетом ничего не мог сказать о том, что же такое человеческая личность и как она, образ и подобие Божие, может быть воссоздана в своем материальном воплощении из разрозненных атомов и молекул, откуда позаимствовать ту живительную силу, которая их удержит в единстве и позволит научному воскрешенному человеку вновь осуществиться в мире свою самобытность. Ведь технически, внешне, можно воссоздать только то, что аналитически разложимо, а стало быть лишено способности к внутреннему свободному самоопределению» [Гаврюшин, с. 99].

Следует согласиться с исследователем в том, что у Н. Ф. Федорова нет ясного и четкого ответа на вопросы о самих механизмах восстановления жизни и преодоления смерти. И это, как мы полагаем, происходит от того, что смерть представлялась Федорову слишком простой с физической стороны. Обнаруживается такой парадокс смерти в учении Н. Ф. Федорова: это абсолютное зло с нравственной точки зрения и совершенно элементарное с научной.

Но философия Федорова сильна именно своей нравственной стороной. «Федоровское воскрешение есть обретение тотальной святости всех, оскорбленных некогда смертью» [Исупов, с. 231]. Оскорбление смертью – это очень высокий уровень нравственного сознания, которое проявляется в деятельном сострадании к другому. Эта особенность свойственна русскому мироощущению, одним из наиболее глубоких выразителей которого был Н. Ф. Федоров. Это очень хорошо подметил и выразил Н. А. Бердяев: «Федоров был характерно русским мыслителем, дерзновенным выразителем русской печали о горе, страдании и смерти людей, русских исканий всемирного спасения» [Бердяев, с. 468].

Эту нравственную особенность понимают не только в России. Современный сербский философ В. Меденица говорит, что федоровское учение – это «печалование» (направленность к другому, к чужой судьбе), скорбь, вызванная постоянными утратами, раздорами, болью и смертью, которой фактически подчиняется человечество в целом... Это как раз и есть та вселенская действительная скорбь, благодаря которой нравственное сознание Николая Федорова, по словам Бердяева, возвышается как самое высокое сознание в истории христианства» [Меденица, с. 861].

Таким образом, в учении Н. Ф. Федорова в отличие от многих религиозных, философских и научных концепций смерти, последняя не является чем-то фатальным, неизбежным и непреодолимым. У Федорова смерть прозрачна и постижима, она не является тайной, к которой нет доступа. Человеческий разум при определенном нравственном настрое на смерть как на зло и причину всеобщей розни, способен исправить «ошибку природы» и претворить слепые смертоносные силы

природы в разумные и животворящие. В этом долг человека, его нравственная миссия не только перед ушедшими, но и перед будущими поколениями.

При этом, необходимо отметить, что такое отношение к смерти, на что не раз указывали различные авторы, приводит к рационализации и сциентизации процессов рождения и смерти, которые, несмотря на мощь человеческого разума, остаются в своей сущности такими же загадочными и непостижимыми явлениями, какими они были на протяжении всей истории человечества. Непостижимость смерти, при всей ее удручающей враждебности для человека, все таки сохраняет для человека некую трансцендентную надежду. При всем трагизме смерти, ее наличие является знаком метафизической тайны бытия, поскольку никакие человеческие усилия (в том числе и научные) не могут привести к победе над смертью в условиях человеческого существования. Но нравственное неприятие смерти, о котором так много говорил Н. Ф. Федоров, является показателем человеческой духовности, а значит, истинной человечности.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова) // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. СПб.: РХГИ, 2004. С. 424-469.
Berdjaev N.A. Religija voskreshenija («Filosofija obshhego dela» N.F. Fedorova) // N. F. Fedorov: pro et contra: V 2 kn. Kniga pervaja. SPb.: RHGI, 2004. S. 424-469.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Из главы «Хозяйство и теургия» // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. СПб.: РХГИ, 2004. С. 400-414.
Bulgakov S.N. Svet nevechernij. Iz glavy «Hozjajstvo i teurgija» // N. F. Fedorov: pro et contra: V 2 kn. Kniga pervaja. SPb.: RHGI, 2004. S. 400-414.
3. Гаврюшин Н.К. Прозрения и иллюзии русского космизма // Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 96-108.
Gavryushin N.K. Prozrenija i illjuzii russkogo kosmizma // Filosofija russkogo kosmizma. M.: Fond «Novoe tysjacheletie», 1996. S. 96-108.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
Zen'kovskij V. V. Istorija russkoj filosofii. M.: Akademicheskij Proekt, Raritet, 2001. 880 s.
5. Исулов К.Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: РХГА, 2010. 292 с.
Isupov K.G. Sud'by klassicheskogo nasledija i filosofsko-jesteticheskaja kul'tura Serebrjanogo veka. SPb.: RHGA, 2010. 292 s.
6. Лосский Н.О. Н. Ф. Федоров // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. СПб.: РХГИ, 2004. С. 709-714.
Losskij N.O. N. F. Fedorov // N. F. Fedorov: pro et contra: V 2 kn. Kniga pervaja. SPb.: RHGI, 2004. S. 709-714.
7. Меденица В. Тени забытых предков // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая. СПб.: РХГИ, 2008. С. 851-863.
Medenica V. Teni zabytyh predkov // N. F. Fedorov: pro et contra: V 2 kn. Kniga vtoraja. SPb.: RHGI, 2008. S. 851-863.
8. На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). М.: Папков дом, 2004. 456 с.
Na poroge grjadushhego. Pamjati Nikolaja Fedorovicha Fedorova (1829-1903). M.: Pashkov dom, 2004. 456 s.
9. «Общее дело». Сборник докладов, представленных на 1 Всесоюзные Федоровские чтения. М., 1990. 242 с.
«Obshhee delo». Sbornik dokladov, predstavlenyh na 1 Vsesojuznye Fedorovskie chtenija. M., 1990. 242 s.
10. Семенова С.Г. Тропами сердечной мысли: Эпюды, фрагменты, отрывки из дневника. М.: Издательский дом «ПоРог», 2012. 720 с.
Semenova S.G. Tropami serdechnoj mysli: Jetjudy, fragmenty, otryvki iz dnevnika. M.: Izdatel'skij dom «PoRog», 2012. 720 s.
11. «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров. Часть 1, 2. М.: Папков дом, 2010.
«Sluzhitel' duha vечноj pamjati». Nikolaj Fedorovich Fedorov. Chast' 1, 2. M.: Pashkov dom, 2010.
12. Федоров Н.Ф. Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1995-2000.
Fedorov N.F. Poln. sobr. soch.: V 4 t. M., 1995-2000.
13. Философия бессмертия и воскрешения. По материалам VII Федоровских чтений. Вып. 1, 2. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1996.
Filosofija bessmertija i voskreshenija. Po materialam VII Fedorovskih chtenij. Vyp. 1, 2. M.: IMLI RAN, Nasledie, 1996.
14. Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 376 с.
Filosofija russkogo kosmizma. M.: Fond «Novoe tysjacheletie», 1996. 376 s.
15. Философия космизма и русская культура. Белград, 2004.
Filosofija kosmizma i russkaja kul'tura. Belgrad, 2004.
16. Флоровский Г.В. Пути русского богословия // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. СПб.: РХГИ, 2004. С. 717-725.
Florovskij G.V. Puti russkogo bogoslovija // N. F. Fedorov: pro et contra: V 2 kn. Kniga pervaja. SPb.: RHGI, 2004. S. 717-725.